

дарственником, ставящим превыше всего интересы империи (что проявлялось лишь в поздней советской историографии).

В англоязычной историографии интерес к Портсмутскому миру демонстрировали, прежде всего, американские исследователи. Ещё в 1924 г. в США увидела свет книга Т. Деннета¹⁰, в которой он привёл большое количество документов, свидетельствовавших об активной роли дипломатии США в подготовке и проведении мирной конференции. Эта точка зрения, отдающая роль главного миротворца президенту Т. Рузвельту, доминирует и сейчас в Америке. Её представляет, например, недавняя книга о Портсмутском мире Р. Эстуса¹¹.

12.2. Предварительные контакты о мире (лето 1904 – весна 1905 гг.)

Начав войну с Россией, Япония сразу же задумалась о будущем мире, так как рассчитывала на быстротечную кампанию, на полный разгром русской армии в одном-двух сражениях. Длительные военные действия были не по силам, прежде всего, японской экономике. Поэтому уже летом 1904 г. в Токио развернулась активная работа по выработке условий мира. Министр иностранных дел Ю. Комура полагал, что вопрос об окончании войны Япония должна решать в прямых переговорах с Россией, избегая международной конференции, а также посредничества кого-либо (что не исключало помощи в организации таких переговоров). Кроме того, Ю. Комура составил возможные условия, на которых Японии следовало настаивать. Главными из 12 пунктов являлись: уплата контрибуции, свобода действий в Корее, вывод русских войск из Маньчжурии с передачей Японии Ляодунского полуострова и части КВЖД от Харбина до Порт-Артура, а также Сахалина (который Япония к тому времени не захватила), право ловли рыбы в прибрежных водах России и, наконец, беспрепятственное плавание японцев по Амуру до Благовещенска и превращение Николаевска, Хабаровска и Благовещенска в открытые для иностранцев порты¹². Подобные условия мира не соответствовали успехам японского оружия и до этого предъявлялись победителями таким слабым государствам как, например, Китай. Ю. Комура, по-видимому, отдавал себе отчёт в нереальности его требований, так как признавал, что без полной победы в войне Японии Россия, разумеется, не примет их¹³. Но премьер Т. Кацура

---

¹⁰ Dennett T. Roosevelt and the Russo-Japanese war. N.Y., 1925. В 1959 г. появилось второе издание этой книги.

¹¹ Esthus R.A. Double Eagle and Rising Sun: the Russians and Japanese at Portsmouth in 1905. Durham: Duke University Press, 1988.

¹² Okamoto Sh. The Japanese Oligarchy and the Russo-Japanese War. N.Y.:L., 1970. P.112–113. Об этом же, но со ссылкой на другие японские исследования ранее писал А.Л. Гальперин (Гальперин А.Л. Указ. соч. С.176–177).

¹³ Okamoto Sh. Op. cit. P.114.

в августе 1904 г. убрал из текста министра лишь требования относительно плавания японцев по Амуру и открытия русских портов там, а также запрет на военное использование КВЖД. Основные же пункты, сформулированные Ю. Комурой, остались¹⁴. Первые военные успехи вскружили голову японскому руководству, что привело к составлению непомерных требований к России, недопустимых не только по конкретному содержанию, но и по общему смыслу, по тону. Обращает на себя внимание, что Япония сразу замахнулась на то, что до этого не было объектом её притязаний и не являлось причиной войны с Россией – это Сахалин и фактическое господство не только на море, но и во всём русском Приморье. Позиция Токио превращала войну за влияние в Корею и Маньчжурии также и в битву за дальневосточные владения России. В такой ситуации Петербург становился жертвой агрессии, что обещало ему, оказавшемуся к 1904 г. в своих дальневосточных притязаниях практически в полной изоляции, некоторую международную поддержку.

Кроме того, резкое ослабление России на Дальнем Востоке, если бы Япония сумела его добиться, не устраивало ни Англию, ни США. Они допустили войну с тем, чтобы руками японцев получить для себя свободу действий в Маньчжурии¹⁵. Т. Рузвельт неоднократно, и в начале войны, и весной 1905 г. говорил одно и то же: «В наших интересах, чтобы война между Россией и Японией затянулась, чтобы обе державы как можно больше истощились и чтобы по заключении мира не были устранены их пограничные трения»¹⁶. Замена Петербурга на Токио в Маньчжурии совсем не входила в планы Америки. Поэтому по мере успехов японского оружия стремление к миру в наибольшей степени росло именно в Вашингтоне и отчасти в Лондоне. Не удивительно, что именно в Вашингтоне японский посланник К. Такахира уже 6 июня 1904 г. частным образом обсуждал с Т. Рузвельтом вопрос о конференции держав (!) после окончания войны¹⁷. Токио искал поддержку в вопросе будущего мира именно в Америке: Лондон вряд ли мог сыграть здесь нужную Японии роль из-за крайне неважных отношений с Петербургом. Т. Рузвельт пока прощупывал почву, обещая японцам, что Корея по результатам войны должна войти в сферу их исключительных интересов¹⁸.

¹⁴ Okamoto Sh. Op. cit. P.115.

¹⁵ Романов Б.А. Указ. соч. С.323.

¹⁶ Цит. по: Романов Б.А. Указ. соч. С.325, 393. Несмотря на это, лично Т. Рузвельт был поклонником японской нации, считая, что у неё отличное будущее и верил, что она войдёт в число великих народов мира, невзирая на скептическое отношение большинства к таким прогнозам.

¹⁷ Перевод секретного донесения японского посла в Вашингтоне К. Такахира – Ю. Комуры 27 июня 1904 г. // РГА ВМФ. Ф.467. Оп.1. Д.430. Л.2–3. Это донесение было захвачено на пароходе «Калхас» летом 1904 г.

¹⁸ Esthus R. Op. cit. P.16.

С другой стороны, в России первое время после начала боевых действий за её немедленное прекращение выступал, пожалуй, только С.Ю. Витте, во многом ответственный за дальневосточную политику империи в последнее десятилетие перед конфликтом. Экс-министр рассуждал перед английским послом Ч. Хардингом о возможности мира с Японией уже в июне 1904 г., правда, не имея в виду ничего конкретного, так как судьба войны находилась исключительно в руках Николая II. Сановник пока не мог сформулировать условия будущего мира даже в самых общих чертах, он лишь полагал, что простое возвращение довоенного status quo невозможно¹⁹. Общепризнано, что первая попытка завязать переговоры о мире состоялась летом 1904 г. Правда, источники изображают её по-разному.

Согласно мемуарам самого С.Ю. Витте, в июле 1904 г. японский посол в Лондоне Т. Хаяши через «бывшего немецкого дипломата, проживающего в Лондоне» и агента Министерства финансов М.В. Рутковского предложил ему, находившемуся тогда в Берлине, встретиться, чтобы обсудить «более лёгкие для России» условия мира, пока Порт-Артур не пал²⁰. По сведениям М.В. Рутковского, Т. Хаяши якобы имел от своего правительства санкцию на такую встречу и инструкции. С.Ю. Витте из Берлина написал об этом Николаю II, но ответа не получил²¹.

Иначе эта история отразилась в японских источниках. Т. Хаяши сообщил в Токио, что это С.Ю. Витте дважды через посредников обращался к нему с предложением о встрече. Первое приглашение, переданное через некоего французского финансиста, а затем – барона Г. Экардштейна (имя бывшего немецкого дипломата в Лондоне было названо прямо) Т. Хаяши отверг, ответив, что переговоры не имеют шансов на успех. С.Ю. Витте обратился к нему

---

¹⁹ Ч. Хардинг – Г. Лэнсдоуну 30 июня 1904 г. // *British Documents on the Origins of the War*. Vol. IV. The anglo-russian rapprochement, 1903–1907. L., 1929. P.3–4.

²⁰ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т.2. Рукописные заметки. СПб., 2003. С.105. Аналогично эта история изложена в телеграмме М.В. Рутковского В.Н. Коковцову в феврале 1905 г. (Красный архив. 1924. №6. С.6–7). Версию С.Ю. Витте повторили в своих исследованиях Б.А. Романов (Романов Б.А. Указ. соч. С.320) и А.В. Игнатъев (Игнатъев А.В. С.Ю. Витте – дипломат. М., 1989. С.196).

²¹ По поводу своего обращения к Николаю II летом 1904 г. он самонадеянно полагал: «Если бы мне тогда было поручено вести переговоры, то, вероятно, дело ограничилось бы тем, что мы потеряли бы Квантунскую область с Порт-Артуром и влияние наше в Корее, но за нами осталась бы вся южная часть Восточно-Китайской железной дороги и весь Сахалин» (Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т.2. Рукописные заметки. СПб., 2003. С.105–106). Однако требования японцев уже тогда простирались значительно далее того, что обрисовал С.Ю. Витте, а их способность продолжать войну была вовсе не исчерпана. Поэтому нет никаких оснований предполагать, что будущему графу удалось бы склонить противника принять его вариант мирного соглашения

вновь, предложив увидеться в Брюсселе. Трудно сказать, какими аргументами С.Ю. Витте сопровождалась вторая просьба, но на сей раз японский дипломат запросил мнение Токио. Он также высказал собственные соображения о возможных условиях мира. Их было всего два: эвакуация русских войск из Маньчжурии с установлением там режима «открытых дверей» (для претензий на Корею Т. Хаяши, вероятно, полагал необходимым сначала заручиться поддержкой других держав) и запрет русским должностным лицам на Дальнем Востоке вести в регионе самостоятельную агрессивную политику (неприкрытый намёк на безобразовцев)²². Однако Ю. Комура отклонил поездку Т. Хаяши в Брюссель: по мнению Токио, условия для завершения войны ещё не созрели (возможно, это было связано и с тем, что в японской столице контуры желаемого мирного соглашения как раз в это время обсуждались)²³.

Из письма Т. Хаяши складывается впечатление, что тот чего-то недоговаривает (например, почему он после второго обращения согласился на встречу с С.Ю. Витте). Несмотря на это, версия японского дипломата представляется более реальной: ведь у него не имелось серьёзных резонов искать контактов с отставным министром для обсуждения условий выгодного России мира²⁴, тогда как С.Ю. Витте явно мечтал о лаврах миротворца, надеясь таким образом вернуться во власть²⁵.

Косвенно в пользу версии Т. Хаяши свидетельствует записка В.П. Мещерского, подготовленная для Николая II. Черновик её не имеет даты, но в ней князь ещё до падения Порт-Артура заявил о необходимости изменить отношение к Японии: пока не поздно, царю самому следует выступить с инициативой прекращения войны, ссылаясь на решения Гаагской конференции. В случае отказа В.П. Мещерский предрекал небывалые потоки русской крови, финансовое разорение империи, сдачу Порт-Артура и поражение русского флота, что, естественно, резко ухудшало позиции России²⁶. Показательно, что князь

²² Т. Хаяши – Ю. Комура 26 июля 1904 г. // Diplomatic Record Office, Ministry of Foreign Affairs of Japan. 2.2.1.3–3. P.49–50. В столицу Бельгии С.Ю. Витте мог совершить поездку, не вызывая никаких подозрений: вторым секретарём российской миссии там служил его зять К.В. Нарышкин.

²³ Ю. Комура – Т. Хаяши 8 августа 1904 г. // Ниппон гайко буншо (Документы японской дипломатии, подготовленные японским министерством иностранных дел). Т.37–38. Приложение «Русско-японская война». Ч.5. Токио, 1960. С.117–118.

²⁴ Позднее, в сентябре 1904 г. Т. Хаяши говорил англичанам: «Мы не можем <...> предложить России мир, мы, которые являемся неоспоримыми победителями» (цит. по: Гальперин А.Л. Указ. соч. С.178).

²⁵ Версию Т. Хаяши подтверждает Э. Диллон, английский журналист, корреспондент «Daily Telegraph», близкий С.Ю. Витте, позднее сыгравший роль посредника в их контактах (Dillon E.J. The Eclipse of Russia. N.Y., 1918. P.296).

²⁶ Мещерский В.П. Записка о необходимости мира с Японией. [Не ранее сентября 1904 г.] // Исторический архив. 2005. №6. С.41–43.

писал не просто о мире, но о необходимости «самого полного и оборонительного и наступательного союза с Японией». Сходство идей указывает, что за инициативой князя, далёкого от дальневосточных дел, явно скрывалась фигура С.Ю. Витте, не раз таким образом действовавшего через В.П. Мецера. Но записка последствий не имела.

Несмотря на неудачу, С.Ю. Витте и далее искал возможности стать миротворцем. Свидетельством этого является, в частности, его переписка с А.Н. Куропаткиным. 20 января 1905 г. он спрашивал командующего: «Какие Вы полагаете возможным достигнуть мирные условия? Наконец, не благо-разумнее ли нынче же подумать о мире и искупить свои грехи?» Совет генерала требовался сановнику, так как будущему графу доводилось играть «во всей этой сумятице» «некоторую роль, а может быть, в ту или иную минуту придётся дать решительный совет»²⁷. Всё это сопровождалось слухами о недовольстве в России царским указом 12 декабря 1904 г., так и не провозгласившем создание народного представительства, и о скором возвращении С.Ю. Витте к власти. Примерно в это время В.Н. Ламздорф впервые заговорил на всеподданнейших докладах о мире (25 января – «Необходимость мира. Совещание у Сольского»; 1 февраля – «Необходимость мира»)²⁸. Британские дипломаты исправно сообщали петербургские настроения и слухи своим японским союзникам²⁹. До японцев даже дошли сведения о возможных условиях мира со стороны России (т.е., С.Ю. Витте): Корея сохраняет независимость, Маньчжурия и Ляодун возвращаются Китаю³⁰.

Николай II ни во второй половине 1904 г., ни в начале 1905 г. не выражал склонности к миру. Он помнил предсказание А.Н. Куропаткина о тяжёлой, долгой, но победоносной войне, сделанное военным министром ещё в начале 1900 г. Также некоторое влияние на него сохранили безобразовцы, уверенные в конечном торжестве русского оружия. Весной 1904 г. А.М. Абаза составил для Николая II согласно его указаниям программу действий России–победителя. Она предусматривала присоединение всей Кореи и Маньчжурии к России. Чтобы смягчить недовольство иностранцев на Дальнем Востоке, царь намеревался ввести порто-франко во всём наместничестве сроком на 25 лет. Программа эта разрабатывалась втайне, с её содержанием ознакомились, кроме Николая II и А.М. Абазы, лишь К.И. Вогак и Е.И. Алексеев³¹. Царь усмехался:

²⁷ С.Ю. Витте – А.Н. Куропаткину 20 января 1905 г. // Красный архив. 1926. №6 (19). С.76.

²⁸ Конспекты всеподданнейших докладов В.Н. Ламздорфа // ГАРФ. Ф.568. Оп.1. Д.66. Л.5.

²⁹ К. Иноуэ – Ю. Комуре 26 декабря 1904 г. // Diplomatic Record Office, Ministry of Foreign Affairs of Japan. 2.2.1.3–3. P.84–86.

³⁰ И. Мотоно – Ю. Комуре 22 января 1905 г. // Ibid. P.114–116.

³¹ В октябре 1904 г. А.М. Абаза представил на заключение Е.И. Алексеева два вопроса: о восстановлении порто-франко на Дальнем Востоке и о присоединении Маньчжурии (то есть, программу уже несколько сократили). Ответ наместника, составленный по его

«Если бы Ламздорф об этом знал, он умер бы от ужаса». По свидетельству А.М. Абазы, самодержца тревожило то, что в России уже звучало слово «революция», поэтому он искренне стремился предотвратить её победоносным окончанием войны. Если же Россия не выигрывала, то следовало ожидать «крупнейших последствий внутри страны», т.е. начала революции³².

Даже в июне 1905 г. они не сомневались в победе России, продолжая готовиться к присоединению Маньчжурии и Кореи и к включению в сферу влияния Петербурга Монголии, китайского Туркестана и даже Тибета³³. Вряд ли стоит воспринимать эти мечтания слишком серьёзно, но они отражали существовавшие в некоторых кругах (преимущественно военных) убеждение, что войну можно было выиграть и оказывали влияние на позицию Николая II.

Наступление 1905 г. ознаменовалось падением Порт-Артура и началом первой русской революции. Несмотря на хронологическую близость, нет оснований утверждать, что эти события прямо связаны между собой. Революция внесла некоторые коррективы в войну, но это случилось позже, несколько месяцев спустя³⁴. Пока же именно сдача крепости вызвала более энергичный приступ к миру. Впервые настроение за прекращение войны отчётливо проявилось в России, но оно оказалось кратким и не привело к каким-либо результатам³⁵.

поручению Г.А. Плансоном, оказался ещё умереннее: разделяя желание аннексировать Маньчжурию, он считал, что китайский нейтралитет в войне нужно сохранять, не провоцируя вступление Пекина в войну. И только когда Япония будет побеждена, «тогда настанет время решения маньчж[урского] вопроса» (Дневник Г.А. Плансона // ГАРФ. Ф.818. Оп.1. Д.212. Л.12–13 об.; Е.И. Алексеев – А.М. Абазе 7 октября 1904 г. // Там же. Д.84. Л.1–4).

³² А.М. Абаза – Е.И. Алексееву 21 июня 1904 г. // РГА ВМФ. Ф.32. Оп.1. Д.212. Л.34–39. Это письмо носило настолько секретный характер, что было послано не обычным путём, а с доверенным лицом – известным журналистом «Нового времени», участником секретной экспедиции в Корею 1898 г. С.Н. Сыромятниковым.

³³ Записка Особого комитета Дальнего Востока о грядущем исходе русско-японской войны и условиях мира // Там же. Д.301.

³⁴ Японцы спонсировали революционное и освободительное движение в России, пытаясь использовать его для ослабления центральной власти. Об этом свидетельствует, в частности, деятельность полковника М. Акаши, который финансировал приобретение за границей оружия для русских революционеров и переправке его в Россию, в частности, на пароходе «Джон Графтон» (Rakka ryusui: colonel Akashi's report on his secret cooperation with the Russian revolutionary parties during the Russo-Japanese War. Helsinki, 1988. P.47–52; Павлов Д.Б. Русско-японская война 1904–1905 гг. Секретные операции на суше и на море. М., 2004. С.230–262). Но усилия М. Акаши, хотя и способствовали развитию революции, тем не менее, своей цели – ослабления позиций России в войне – не достигли. Контакты японских разведчиков с противниками самодержавия прекратились сразу после заключения Портсмутского мира.

³⁵ Esthus R. Op. cit. P.8. В частности, усиление антивоенных настроений в Москве, особенно в интеллигентских кругах, отмечал английский посол в России Ч. Хардинг.

Гораздо большую активность проявили японцы. Трудно сказать, насколько серьёзны были намерения Токио. Ещё в ноябре 1904 г., до падения Порт-Артура, Т. Хаяши предлагал подготовить мирные инициативы со стороны Японии. Дипломат исходил из неизбежности скорого падения русской крепости, полагая, что это усилит антивоенные настроения в Европе и США. Чтобы Япония не оказалась главной виновницей её продолжения, следовало, по его мнению, сообщить о готовности Токио к миру. Если Россия согласится – хорошо, если нет – это лишь укрепит имидж Японии как миролюбивой державы в глазах всего мира³⁶.

14 января 1905 г. Т. Рузвельт и К. Такахира обговорили возможные условия мира. Американский президент обещал, что по результатам войны Япония получит не только Корею, но и Порт-Артур, а из Маньчжурии предложил сделать нейтральную зону под международным контролем держав, т.е. чтобы она не досталась японцам. Однако здесь американский лидер натолкнулся на решительное сопротивление Токио, боявшегося, что в «нейтральной» Маньчжурии начнут орудовать все великие державы и создадут опасную конкуренцию Стране восходящего солнца.

Одновременно президент активнейшим образом искал средства воздействия на Петербург, зондируя в этом отношении почву в Париже и Берлине как до, так и после мукденского сражения (февраль 1905 г.)³⁷. Однако Россия не отреагировала на поступающие сигналы, в том числе и на предложение Т. Рузвельта, сделанное им в январе³⁸. Неудача зондажа подтвердил правильность позиции Ю. Комуры, изложенной им 12 января 1905 г. английскому послу К. Макдоналду: «До тех пор, пока Балтийский флот не разбит или не вернулся в Россию и до тех пор, пока решающая победа не одержана японцами при Мукдене, русское правительство не захочет <...> сделать какое-либо мирное предложение»³⁹.

Он полагал, что дальнейшие мобилизации запасных в России опасны, так как могут дать оружие в руки революционных элементов (Ч. Хардинг – Г. Лэнсдоуну 14 февраля 1905 г. // PRO. FO. 65/1698. P.335–336).

³⁶ Т. Хаяши – Ю. Комура 8 ноября 1904 г. // Ниппон гайко буншо... С.122–123.

³⁷ Романов Б.А. Указ. соч. С.361–364, 370–372.

³⁸ Т. Рузвельт – У. Тафту 8 апреля 1905 г. // The Letters of Theodore Roosevelt. Vol. 4. Cambridge (Mass.), 1951. P.1158–1159.

³⁹ Цит. по: Романов Б.А. Указ. соч. С.360. В определённой степени этому противоречат сигналы, полученные в Токио из Берлина. Петербургский корреспондент «Times» сообщил японскому посланнику в Германии К. Иноуе, что слышал от одного из великих князей, что якобы Россия желает заключить мир, но обязательно без контрибуции (К. Иноуе – Ю. Комура 18 февраля 1905 г. // Diplomatic Record Office, Ministry of Foreign Affairs of Japan. 2.2.1.3–3. P.138–139). Однако уже через несколько дней К. Иноуе дал отбой: по сведениям петербургского корреспондента «Berliner Tageblatt», «партия мира»

Тем не менее, в феврале–марте 1905 г. была предпринята новая попытка завязать русско-японский контакт, аналогичная той, которая состоялась летом 1904 г. И опять версии российской и японской сторон диаметрально расходятся. Согласно данным Петербурга, Т. Хаяши в Лондоне дал знать через третье лицо, что готов возобновить «частный обмен мыслями»⁴⁰. Однако В.Н. Ламздорф и В.Н. Коковцов запретили М.В. Рутковскому самостоятельные действия⁴¹. Действительно, странно начинать переговоры сразу после такой военной неудачи как сдача Порт-Артура: она ещё не сделала положение русской армии критическим, а вот позицию России на возможных переговорах резко ухудшила бы. Согласно же японским данным, агент Министерства финансов в Лондоне опять через барона Г. Экардштейна сам обратился к Т. Хаяши, сославшись на выраженное им летом 1904 г. желание иметь связь с С.Ю. Витте. Однако на этот раз японский дипломат заявил, что для начала переговоров необходимо официальное предложение России⁴². Т. Хаяши также полагал, что С.Ю. Витте не относился на тот момент к числу влиятельных сановников и тем более не мог принимать окончательных решений, поэтому

не получила влияния при дворе (К. Иноуэ – Ю. Комуре 21 февраля 1905 г. // Ibid. P.141). Они, вероятно, отражали колебания настроений в верхах, выплёскивавшихся в начале февраля, к примеру, в заседаниях Совета министров, где, помимо прочего, затрагивался и вопрос о продолжении войны. Тогда на первом плане находилась проблема финансов и не исключено, что пессимистические расчёты В.Н. Коковцова побудили некоторых представителей царской фамилии искать по личной инициативе пути к миру.

⁴⁰ М.В. Рутковский – В.Н. Коковцову 12 (25) февраля 1905 г. // Красный архив. 1924. №6. С.7–8. Более подробно о своих контактах с Г. Экардштейном М.В. Рутковский сообщил российскому послу в Лондоне А.К. Бенкендорфу. Немец играл роль посредника между русским и японцем. Несмотря на то, что никаких конкретных деталей возможного мира Т. Хаяши не упомянул, ссылаясь на то, что они ещё не утверждены японским правительством, он, тем не менее, был уверен, что Токио предложит Петербургу такие условия, «которые могли бы обеспечить прочный и долговременный мир и восстановление вполне дружественных отношений с Россией, а не служили лишь кратковременным перемирием к возобновлению военных действий в непродолжительном времени». Т. Хаяши также уверял Г. Экардштейна, что в случае немедленного начала переговоров (японский дипломат был к ним уже готов) у сторон имелась возможность быстро остановить войну «без потери пяди русской территории и без всякого военного вознаграждения» (М.В. Рутковский – А.К. Бенкендорфу 22 февраля (7 марта) 1905 г. (копия) // ОПИ ГИМ. Ф.444. Оп.1. Д.126. Л.7). Похоже, что это была позиция не японского дипломата, а немецкого барона, настолько сообщение М.В. Рутковского противоречит другим сведениям, просачивавшимся из Токио.

⁴¹ Телеграмма В.Н. Коковцова М.В. Рутковскому, б/д. и отношение В.Н. Ламздорфа В.Н. Коковцову 12 февраля 1905 г. // Красный архив. 1924. №6. С.7–8.

⁴² Т. Хаяши – Ю. Комуре 2 марта 1905 г. // Diplomatic Record Office, Ministry of Foreign Affairs of Japan. 2.2.1.3–3. P.156–157.

контакты с ним не имели решающего значения для Токио⁴³. И в этом случае японская версия выглядит правдоподобнее: именно в российских верхах в это время появились уловимые настроения в пользу мира, и С.Ю. Витте, вероятно, намеревался их использовать. Косвенным подтверждением того, что инициатором являлся всё-таки С.Ю. Витте является запрет М.В. Рутковскому на продолжение контактов. Аналогичное распоряжение – не вступать в рассмотрение любых мирных предложений, а также вариантов посредничества – направили послу в Вашингтоне А.П. Кассини⁴⁴. У России и в этот раз имелись основания полагать, что завязывание переговоров имело для Токио другие цели, нежели мир. Чиновник Министерства финансов Н.А. Распопов, отправленный служить после начала войны из Японии в Китай, сообщал чуть позже, в середине марта 1905 г. из Шанхая, что японцы распускали там слухи о скором мире для успеха своего займа в Лондоне⁴⁵. В целом, доходившие до Петербурга импульсы о желании мирных переговоров как будто вытеснялись сообщениями, поступавшими с разных сторон, о тяжёлом экономическом положении Японии, что, собственно, и толкало её на инициативу. Разумной реакцией в такой ситуации было бы выждать. Россия так и поступила. В итоге Т. Рузвельту пришлось констатировать, что «ни одна сторона не хотела сделать первый шаг»⁴⁶.

Зондаж почвы шёл и в Париже. С японцами заговорил бывший министр земледелия и владелец газеты “Petit Parisien” Ж. Дюпюи. Однако посол И. Мотоно лишь ответил, что следовало бы сначала получить заявление русского правительства о желании мира. Единственное, что его заинтересовало, так это возможность узнать позицию Николая II⁴⁷. Ответ дипломата объясняется просто: возможность начать переговоры в Париже меньше всего устраивала японцев. Министр иностранных дел Франции Т. Делькассе настаивал на том, что условия мира не должны являться унижительными для России, то есть, речь не могла идти об уступке территории и контрибуции⁴⁸. Т. Рузвельт же, в отличие от французов, с самого начала полагал, что контрибуция – необходимое условие. В этом он был не оди-

⁴³ Dillon E.J. Op. cit. P.296.

⁴⁴ Esthus R. Op. cit. P.9. Хотя контакты А.П. Кассини с Т. Рузвельтом по поводу мира, сначала при посредничестве германского посла в Вашингтоне Штернбурга, датируются лишь первой половиной марта (Гальперин А.Л. Указ. соч. С.200).

⁴⁵ Н.А. Распопов – в Министерство финансов 18 (31) марта 1905 г. // Красный архив. 1924. №6. С.9.

⁴⁶ Цит. по: Романов Б.А. Указ. соч. С.381. Этот вывод американский президент сделал после разговоров с А.П. Кассини и К. Такахиroy.

⁴⁷ И. Мотоно – Ю. Комуре 23 февраля 1905 г. (перлюстрация) // РГИА. Ф.1328. Оп.2. Д.3. Л.125–126.

⁴⁸ Романов Б.А. Указ. соч. С.383.

нок. В конце марта Т. Хаяши с тревогой сообщал в Токио, что среди редакторов наиболее известных газет США и Европы усиливается настроение против японской контрибуции с России⁴⁹. Аналогичные наблюдения делали и британские дипломаты, которые, как союзники, советовали японцам дожидаться исхода морского сражения, надеясь, что после очередного поражения Петербург станет более сговорчивым в вопросе о контрибуции⁵⁰. То есть, на тот момент к мирным переговорам не были готовы обе стороны.

Тем не менее, в начале марта 1905 г. в Петербурге на короткое время возникло серьёзное настроение в пользу прекращения войны. Сразу после известий об очередной неудаче русской армии при Мукдене, 28 февраля (13 марта) в Царском Селе состоялось военное совещание, посвящённое призыву 400 тыс. запасных. На нём также затронули вопросы о перспективах войны для России. Участники обсуждения, по слухам, отказались от идеи просить мира, предпочитая ждать предложений Японии⁵¹. В этот же день С.Ю. Витте обратился с эмоциональным письмом к Николаю II, настаивая на необходимости срочного заключения мира⁵². По его сведениям, на сей раз призыв произвёл на самодержца некоторое впечатление. Царь на тот момент якобы качнулся в сторону мира, его требовалось лишь укрепить в этом направлении, поэтому председатель Комитета министров просил поддержки у англичан: он полагал, что таким толчком могло стать обращение короля Эдуарда VII к Николаю II с родственным, тёплым и дружеским посланием о мире. С.Ю. Витте изложил и возможные условия мира: Корея подпадает под японское влияние, Ляодун вместе с южной частью КВЖД отдаются в аренду Японии, русские военные корабли не появятся в китайских водах в течение ряда лет (по-видимому, это означало обязательство не искать в ближайшее время другую незамерзающую гавань в Китае и не восстанавливать немедленно Тихоокеанскую эскадру, чего сильно опасались японцы). Категориче-

⁴⁹ Т. Хаяши – Ю. Комуре 29 марта 1905 г. // Diplomatic Record Office, Ministry of Foreign Affairs of Japan. 2.2.1.3–3. Страницы не нумерованы. Документ №850909.

⁵⁰ К. Такахира – Ю. Комуре 29 апреля 1905 г. // Ibid. Документ №850911.

⁵¹ Донесение бельгийского посланника в Петербурге – в Брюссель 15 марта 1905 г. (перлюстрация) // РГИА. Ф.1328. Оп.2. Д.3. Л.114 об. Достоверных данных о содержании обсуждения из российских источников у меня нет.

⁵² Его содержание скорее служит доказательством слабости миролюбивых настроений в России. С.Ю. Витте, призывая царя принять волевое решение и выступить с инициативой мирных переговоров, оговаривается, что находится «в здравом уме и твёрдой памяти» и что его обращение «не есть письмо растерянного человека» (Всепоподаннейшее письмо статс-секретаря Витте от 28 февраля 1905 г. // Витте С.Ю. Воспоминания. Т.2. М., 1960. Приложения. С.573–574). Элементы отчаяния также звучали в очередном послании В.П. Мещерского Николаю II, призывавшем немедленно заключить мир (Исторический архив. 2005. №6. С.43–46).

ски отвергались контрибуция и нейтрализация Владивостока⁵³. Сохраняя за Россией основную трассу КВЖД, С.Ю. Витте прозрачно намекал британскому дипломату, что это явится хорошей гарантией державам против дальнейшей японской агрессии на Дальнем Востоке⁵⁴. Однако идея прямого обращения короля к царю отвергли британские дипломаты, помнившие о том, что в 1904 г. аналогичная попытка завершилась отповедью Николая II⁵⁵.

Важно, что С.Ю. Витте впервые получил поддержку других сановников. В марте 1905 г. министр финансов В.Н. Коковцов поднял перед царём вопрос об исчерпанности средств для ведения войны: на неё уже ушёл миллиард рублей, внешние займы затруднены, а внутренних источников оставалось очень мало⁵⁶. В.Н. Коковцова, по-видимому, сильно испугала неудача разместить очередную порцию русских ценных бумаг на парижском фондовом рынке. Никакого формального решения в ответ на записку министра финансов принято не было, но, кажется, она произвела на царя сильное впечатление. До американского посла в Петербурге Р. Мак Кормика дошли слухи, что В.Н. Коковцов «и все его коллеги без исключения посоветовали царю зондировать Японию» об условиях мира при посредничестве Франции⁵⁷.

По-видимому, результатом этих настроений стало указание 8 (21) марта 1905 г. российскому послу в Париже А.И. Нелидову обменяться с Т. Делькассе мнениями относительно перспектив и содержания мирного соглашения⁵⁸. За этим последовала организованная Т. Делькассе дискуссия во французской прессе о возможных условиях мира, сам он говорил с И. Мотоно 23 марта (5 апреля) о том, что после Мукдена продолжение боевых действий практически потеряло смысл. Он изложил собеседнику то, чего Россия не примет: контрибуцию, утрату собственной территории, изъятие КВЖД и ограничения на флот⁵⁹. Японцы, перед которыми Т. Делькассе выступал только от своего имени, поняли его действия не как русскую инициативу, а как заботу Парижа

⁵³ А.В. Игнатъев считает, что С.Ю. Витте соглашался объявить Владивосток открытым портом (Игнатъев А.В. Указ. соч. С.203).

⁵⁴ Ч. Хардинг – Г. Лэнсдоуну 25 марта 1905 г. // PRO. FO. 65/1699. P.324–325. Часть письма была ещё раз процитирована Ч. Хардингом в послании министру 15 июля, которое опубликовано в “British Documents...” и использовано Б.А. Романовым (Романов Б.А. Указ. соч. С.480). Об этом же С.Ю. Витте также говорил британскому дипломату С. Спринг Райсу (Там же. С.383. См. также: Игнатъев А.В. Указ. соч. С.203).

⁵⁵ Одновременно идею обращения короля к царю выдвинул также Т. Рузвельт (Гальперин А.Л. Указ. соч. С.196).

⁵⁶ Романов Б.А. Указ. соч. С.376–377.

⁵⁷ Телеграмма американского посла в Петербурге Р. Мак Кормика гос. секретарю Дж. Хэю 11 (24) марта 1905 г. (перлюстрация) // РГИА. Ф.1328. Оп.2. Д.3. Л.120.

⁵⁸ Esthus R. Op. cit. P.28–29.

⁵⁹ История дипломатии. Т.2. М., 1963. С.581.

о том, чтобы русско-японский конфликт не начал служить на пользу Германии⁶⁰. То есть, в Токио решили, что к позиции Петербурга и его отношению к продолжению войны это не имело прямого отношения⁶¹. Тем не менее, там восприняли это как сигнал, и в конце апреля Япония запросила Т. Рузвельта, какие шаги следует предпринять, чтобы подготовить переговоры о мире⁶². При этом ни одна сторона опять не хотела сделать первой шаг к миру.

Вскоре в столице настроения снова качнулись в сторону войны: в военных и придворных кругах не сомневались в окончательной победе России. Показательно, что за продолжение боевых действий выступали такие издания, как «Гражданин» и «Новое время», известные своей близостью власти. Голоса общественного мнения, настроенного против войны, было недостаточно для принятия решения. В конце марта и английский, и американский представители в Петербурге сообщили своим правительствам, что царь полон решимости продолжать войну⁶³. Британские дипломаты констатировали: чем больше случилось военных неудач, тем труднее оказывалось решение заключить мир⁶⁴. Николай II после сражения под Мукденом думал больше о сохранении престижа армии, а уже затем о завершении войны, в конце апреля С.Ю. Витте говорил С. Спринг Райсу о малых шансах на заключение мира⁶⁵. Тем не менее, обмен мнениями между Вашингтоном и Петербургом произошёл, Россия дала понять, чего она не допустит: территориальных уступок и контрибуции. Ещё Петербург желал, демонстрируя неофициальную готовность к миру⁶⁶, чтобы первый шаг сделала Япония⁶⁷.

⁶⁰ Этим аргументом почти в это же время, в апреле С.Ю. Витте пугал Ч. Хардингга (Игнатъев А.В. Указ. соч. С.203–204).

⁶¹ И. Мотоно – Ю. Комура 16 марта 1905 г. // Ниппон гайко буншо... С.97–98.

⁶² Романов Б.А. Указ. соч. С.388.

⁶³ Esthus R. Op. cit. P.28–29.

⁶⁴ Ч. Хардинг – Г. Лэнсдоуну 15 марта 1905 г. // PRO. FO. 65/1699. P.257–260.

⁶⁵ С. Спринг Райс – Г. Лэнсдоуну 7 мая 1905 г. // PRO. FO. 65/1700. P.245; British Documents on the Origins of the War. Vol. IV. P.77–78. Любопытно, что весь пафос речи председателя Комитета министров снова был направлен против Германии: С.Ю. Витте подозревал, что именно Берлин намерен в первую очередь воспользоваться неудачами России на Востоке.

⁶⁶ Т. Рузвельт – Дж. Хэю 30 марта 1905 г. // The Letters of Theodore Roosevelt. Vol.4. Cambridge (Mass.), 1951. P.1150.

⁶⁷ Донесение итальянского посланника в Рим 7 апреля 1905 г. (перлюстрация) // РГИА. Ф.1328. Оп.2. Д.4. Л.60. О контактах Петербурга и Вашингтона ему рассказал австро-венгерский посланник А. Эренталь, который слышал всё это от В.Н. Ламздорфа. Сам же американский президент, убеждая А.П. Кассини, говорил ему и о том, что Америка обеспокоена чрезмерным ростом могущества и влияния Японии в Азии. России он предлагал заключить мир немедленно и сразу же – начать приготовления к реваншу (Гальперин А.Л. Указ. соч. С.201). О позиции Петербурга также сообщил в Лондон

В Японии, несмотря на победу при Мукдене, настроения в пользу мира также всё более и более усиливались. Там понимали, что русская армия снова не разбита, война окончательно приняла затяжной характер. Даже захват Владивостока и Харбина не поставил бы Россию на колени, чтобы добиться этого, следовало захватить Москву и Петербург. Поэтому японское руководство 10 (23) марта 1905 г. решило не только стремиться к миру, но и проявить инициативу в этом направлении⁶⁸, опять через Вашингтон⁶⁹. Однако из сигналов, поступавших из Петербурга они сделали другие выводы. Т. Хаяши, который внимательно следил за корреспонденциями Э. Диллона, заключил, что Россия не готова продолжать войну: масштабный призыв рекрутов невозможен из-за опасности революции, да и финансы истощились. Именно поэтому условия будущего мира следовало ужесточить, и среди них обязательно должна быть контрибуция: японский дипломат полагал, что России не составит серьёзного труда заключить заграничный заём для её уплаты⁷⁰. По-видимому, в связи с решениями, принятыми в Токио, в апреле 1905 г. в Лондоне несколько лиц говорили с российскими представителями (А.К. Бенкендорф, М.В. Рутковский) о возможности мира (редактор «The Standard» Гвинн, мэр Лондона М. Самюэль)⁷¹.

12.3. Россия после Цусимы: курс на мир

В России окончательный перелом настроений произошёл после поражения русского флота при Цусиме 14–15 (27–28) мая 1905 г. Весть об ужасной военной катастрофе дошла до Петербурга 17 (30) мая (однако первые неутешительные сведения были получены уже поздно вечером 15 мая). С походом эскадры З.П. Рожественского российское руководство связывало большие (но неоправдавшиеся) надежды на изменение в ходе военных действий на Дальнем Востоке. После её гибели в правящих верхах впервые серьёзно задумались над тем, что Россия может проиграть войну. Империя практически лишилась военного флота на Тихом океане. Однако сухопутная армия, несмотря на серию неудач, не была разгромлена. Дилемма выглядела очевидной:

английский посол (Ч. Хардинг – Г. Лэнсдоуну 11 апреля 1905 г. // *British Documents on the Origins of the War. Vol. IV. P.75–76*). Он полагал, что в российском обществе число сторонников мира было уже велико, они появились даже в военных кругах.

⁶⁸ Esthus R. *Op. cit.* P.27.

⁶⁹ Романов Б.А. Указ. соч. С.390–391. Б.А. Романов объяснял это опасениями, вызванными эскадрой З.П. Рожественского. Более вероятен другой вариант: миролюбивые жесты были необходимы для успеха переговоров с Англией о пролонгации союзного договора, так как Лондон совсем не торопился подписать новое соглашение (С.385–386). Хотя сути политики эти жесты, разумеется, не затрагивали.

⁷⁰ Т. Хаяши – Ю Комуре 25 марта 1905 г. // *Ниппон гайко буншо... С.570–571.*

⁷¹ Гальперин А.Л. Указ. соч. С.205.